

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

14 января 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки А.Н.Мариной,

у с т а н о в и л :

1. Гражданка А.Н.Марина оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

части первой статьи 125, предусматривающей, что постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора,

которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления;

части четвертой статьи 221, согласно которой постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано им в течение 72 часов с момента поступления к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти); вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит постановление или об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, или об отмене постановления нижестоящего прокурора, – в последнем случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

Как следует из представленных и дополнительно полученных Конституционным Судом Российской Федерации материалов, А.Н.Марина была признана потерпевшей по уголовному делу, возбужденному 18 декабря 2014 года следственным отделом по городу Балашихе главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области в связи с ненадлежащим исполнением врачами больницы в городе Реутов своих обязанностей при проведении 28 января 2014 года платной хирургической операции ее отцу, после которой он скончался в отделении реанимации. Дело возбуждено по части второй статьи 293 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за халатность, повлекшую по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. 2 марта 2015 года уголовное преследование, осуществляемое в рамках данного дела в отношении оперирующего хирурга Г. по обвинению в халатности, прекращено и продолжено по части второй статьи 109 того же Кодекса о

причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. 30 апреля 2015 года действия Г. переквалифицированы на пункт «в» части второй статьи 238 того же Кодекса, устанавливающий ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека.

По окончании расследования материалы уголовного дела вместе с обвинительным заключением 18 мая 2016 года переданы в прокуратуру. Однако постановлением заместителя прокурора города Реутов от 1 июня 2016 года дело возвращено в следственный орган для производства дополнительного следствия с указанием на необходимость квалификации содеянного – поскольку действия Г., будучи направлены на лечение пациента, совершены с неосторожной формой вины – по части второй статьи 109 УК Российской Федерации. Это решение обжаловано следователем в порядке части четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации, но постановлениями прокурора города Реутов, заместителя прокурора Московской области и прокурора Московской области, принятыми соответственно 10 июня, 12 июля и 4 августа 2016 года, в удовлетворении жалобы отказано. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации постановлением от 8 сентября 2016 года также отклонил жалобу, ссылаясь на то, что следствием не добыто сведений об умышленном нарушении Г. в своей врачебной деятельности требований безопасности жизни и здоровья потребителей.

По результатам дополнительного следствия Г. предъявлено обвинение в совершении предусмотренного частью второй статьи 109 УК Российской Федерации деяния, относящегося к преступлениям небольшой тяжести, срок давности уголовного преследования за которые составляет два года, и постановлением следователя от 20 ноября 2016 года уголовное дело прекращено на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – за истечением этого срока. Данное постановление обжаловано потерпевшей в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации в Балашихинский городской суд, который в удовлетворении жалобы отказал,

сославшись на то, что при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) следователя судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела и квалификации деяния (постановление от 30 ноября 2017 года), с чем согласился Московский областной суд (апелляционное постановление от 30 января 2018 года). Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в передаче поданной в интересах А.Н.Мариной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, также указал, что правомерность переквалификации действий Г. со статьи 238 УК Российской Федерации на статью 109 того же Кодекса не может быть предметом проверки в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, поскольку этот вопрос относится к компетенции суда первой инстанции и разрешается при рассмотрении уголовного дела по существу (постановление от 27 июня 2018 года).

После этого представителем потерпевшей обжаловано в Балашихинский городской суд само решение заместителя прокурора города Реутов о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия с указанием о квалификации содеянного по статье уголовного закона, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление. В принятии жалобы к рассмотрению по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации отказано постановлением судьи от 18 января 2019 года со ссылкой на то, что уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого. С таким выводом согласился Верховный Суд Российской Федерации, судья которого, отказывая постановлением от 28 мая 2019 года в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, отметил, что соответствующее решение прокурора не является предметом обжалования в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, поскольку оно вынесено в рамках осуществления прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и для его обжалования в досудебном

производстве предусмотрен специальный порядок, установленный частью четвертой статьи 221 того же Кодекса.

По мнению А.Н.Мариной, часть первая статьи 125 и часть четвертая статьи 221 УПК Российской Федерации противоречат статьям 46 (части 1 и 2), 52 и 53 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают отказ в принятии к рассмотрению судом жалоб участников уголовного судопроизводства на процессуальные решения органов прокуратуры, связанные с прекращением уголовного дела, по мотиву наличия ведомственного порядка их обжалования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 21, часть 1; статья 45; статья 46, части 1 и 2; статьи 52 и 53) в России как демократическом правовом государстве права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на основе принципа уважения и охраны достоинства личности, предполагающего, в частности, обязанность обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими уголовное преследование.

Приведенным конституционным требованиям корреспондируют положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года) о том, что лица, которым был причинен вред в результате деяния, нарушающего национальные уголовные законы, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством, а судебные и административные процедуры должны отвечать потребностям этих лиц в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункты 1, 4 и 6).

Соответственно, устанавливаемые законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны – как того требует Конституция Российской Федерации и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), – в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию. Конституционно важно при этом, чтобы такой доступ был реальным и обеспечивал потерпевшему эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, поскольку иное означало бы умаление права на судебную защиту, а вместе с тем – чести и достоинства личности, причем не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 1 марта 2012 года № 5-П, от 18 марта 2014 года № 5-П, от 16 ноября 2018 года № 43-П и др.).

3. В силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом определять осуществление и пределы уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения, самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. В то же время, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, несводимые исключительно к возмещению причиненного ему вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности и объеме обвинения, о применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда (постановления от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля

2000 года № 2-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 18 марта 2014 года № 5-П и др.).

Реализация потерпевшим права официально довести свою позицию по названным вопросам в ходе досудебного производства по уголовному делу зависит прежде всего от обеспечения этого права органами публичного уголовного преследования и их должностными лицами. Так, потерпевший вправе в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела; ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению дознавателем, следователем (статьи 119–122 УПК Российской Федерации), а полный или частичный отказ в его удовлетворении может быть обжалован руководителю следственного органа или прокурору (статьи 123 и 124 УПК Российской Федерации).

При этом установленный частями первой – третьей статьи 124 УПК Российской Федерации порядок рассмотрения прокурором или руководителем следственного органа жалобы участвующих в уголовном процессе частных лиц, включая потерпевших, не согласных с действиями (бездействием) и решениями должностного лица, ведущего производство по делу в досудебных стадиях, не распространяется на указанный в ее части четвертой порядок обжалования дознавателем или следователем действия (бездействия) и решения руководителя следственного органа или прокурора соответственно руководителю вышестоящего следственного органа или вышестоящему прокурору в порядке ведомственного контроля или прокурорского надзора. Для такого рода жалоб *sui generis*, в которых должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, официально излагают свою позицию, расходящуюся с позицией их непосредственного ведомственного руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная процедура обжалования. В частности, пунктом 5 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации следователь уполномочен обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью

четвертой статьи 221 того же Кодекса, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Соответственно, в предмет регулирования статьи 221 УПК Российской Федерации, обращенной к прокурору и определяющей его действия и решения по поступившему к нему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением, а также возможность обжалования следователем этих действий и решений вышестоящему прокурору, не входит порядок обжалования потерпевшим действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, который определен иными нормами того же Кодекса.

Из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в постановлении от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», также следует, что не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации решения и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, в том числе прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (абзац второй пункта 3), а равно действия (бездействие) и решения, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве, включая решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, решение прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо

пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям закона (пункт 3¹).

Наличие ведомственного порядка обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю означает, в частности, что обвинение по делу должно исходить от государства в лице органов уголовного преследования, а потому автономные споры органов предварительного расследования и прокурора относительно существа или объема обвинения и квалификации содеянного соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса. В этой связи закрепленный частью четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении дела, определяющий взаимоотношения соответствующих должностных лиц при отправлении ими должностных полномочий в ходе досудебного производства, не распространяется на потерпевших и иных лиц, выступающих в защиту собственных интересов, а потому не может расцениваться как нарушающий конституционные права А.Н.Мариной в обозначенном ею аспекте, тем более в случаях, когда процессуальное решение, принятое в рамках прокурорско-надзорных полномочий, само по себе не ведет к причинению ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо реальному ограничению их доступа к правосудию.

Такого рода ограничения связаны с последующими процессуальными актами следователя как процессуально самостоятельного лица, на которое возложены обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу, а также уполномоченного статьей 213 УПК Российской Федерации прекратить уголовное дело своим постановлением, которое, в свою очередь, подлежит отдельному судебному контролю. При этом предшествующее оспаривание указанного решения прокурора следователем на основании части четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации не может служить основанием для отказа потерпевшему в разрешении его жалобы судом по правилам статьи 125

того же Кодекса. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, если лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со статьей 124 УПК Российской Федерации, то предметом судебного обжалования выступает не сам по себе отказ прокурора или руководителя следственного органа в удовлетворении обращения лица, а непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (абзац третий пункта 3 постановления от 10 февраля 2009 года № 1).

3.1. Тем самым отсутствие возможности обжаловать в судебном порядке акты, принятые прокурором в рамках его надзорных полномочий по поступившему к нему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением, не служит препятствием для проверки правомерности основанных на этих актах процессуальных решений должностных лиц, ведущих предварительное расследование, судом, правомочным в ходе досудебного производства рассматривать жалобы заинтересованных участников процесса, включая потерпевших, на действия (бездействие) и решения субъектов расследования, при условии что они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (часть третья статьи 29 и статья 125 УПК Российской Федерации).

В то же время – в силу принципа состязательности сторон судопроизводства, закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и предполагающего разграничение в уголовном процессе функций осуществления правосудия, обвинения и защиты, – на суд как орган правосудия не может возлагаться выполнение несвойственных ему задач, связанных с уголовным преследованием. В связи с этим при проверке в ходе досудебного производства тех или иных процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства, а потому судебный контроль законности и

обоснованности действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования по такого рода вопросам может осуществляться лишь одновременно с принятием решения по существу уголовного дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года № 20-П, от 23 марта 1999 года № 5-П, от 14 января 2000 года № 1-П, от 27 июня 2005 года № 7-П, от 21 ноября 2017 года № 30-П и др.).

3.2. Особое место в ряду предметов судебного контроля занимают постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о его прекращении, во всяком случае подлежащие, по смыслу статьи 125 УПК Российской Федерации, оспариванию в судебном порядке – как способные заблокировать доступ заинтересованных лиц в суд, поскольку эти процессуальные акты принимаются при наличии обстоятельств, с которыми закон связывает прекращение уголовно-процессуальной деятельности, если она уже началась, чем создается непреодолимое препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права.

Основанное на позиции прокурора решение следователя о переквалификации инкриминируемого обвиняемому преступления на такое, по которому истекает срок давности уголовного преследования, исключает саму возможность продолжить производство по уголовному делу, а потому равнозначно по своим юридическим последствиям решению о прекращении уголовного дела и способно – в случае допущенных при его принятии ошибок и нарушений – влечь такой ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, восполнение которого в результате отложенного судебного контроля на последующих этапах судопроизводства оказывается неосуществимым, поскольку прекращенное дело не может быть рассмотрено по существу.

При таких обстоятельствах, когда выбор нормы уголовного закона предрешает судьбу уголовного дела (влечет его прекращение), лишаются смысла доводы о том, что проверка фактической обоснованности данного выбора, отраженного в решении следователя о прекращении уголовного дела, относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по

существу, и не производится в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации. Именно в силу изменения квалификации содеянного на преступление, срок уголовного преследования за которое истек или вскоре истечет, уголовное дело прекращается на досудебной стадии процесса, а значит, судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования, имеющий место на дальнейших его стадиях, становится невозможным. Отсутствие же возможности исправить последствия ошибочного решения органа, осуществляющего уголовное преследование, не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П).

Этим предопределяется необходимость обеспечить потерпевшего от преступления – как участника производства по уголовному делу, чьи права и законные интересы напрямую затрагиваются его прекращением на досудебной стадии ввиду истечения срока давности уголовного преследования, – возможностью безотлагательного судебного контроля такого решения при оспаривании им актов органов предварительного расследования, вынесенных в ходе уголовного преследования.

3.3. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что судья, рассматривая жалобу по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации – по буквальному смыслу которой он обязан проверить законность и обоснованность обжалуемого действия (бездействия) или решения (часть третья), – не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений (определения от 24 марта 2005 года № 151-О, от 12 апреля 2018 года № 867-О и от 29 января 2019 года № 14-О).

Для того чтобы повлечь прекращение уголовного дела, любое из обстоятельств, исключающих дальнейшее по нему производство, должно быть установлено с достоверностью, что предполагает оценку как юридических, так

и фактических к тому оснований, на основе которой подтверждаются либо опровергаются законность и обоснованность обжалуемого решения. Вытекающее же из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации требование выносить лишь законные, обоснованные и мотивированные решения, адресуемое в том числе и следователю, означает, что его постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования (независимо от того, обусловлено ли прекращение изменением квалификации инкриминируемого деяния по указанию прокурора либо по усмотрению следователя) должно содержать обоснование такого решения изложенными в нем фактическими обстоятельствами.

Сказанное предполагает и полномочия суда при рассмотрении жалобы потерпевшего на решение следователя о прекращении уголовного дела, обусловленное позицией прокурора, процессуально выраженной при осуществлении им надзора за деятельностью органов предварительного расследования, всесторонне оценивать законность и фактическую обоснованность такого решения, принимая во внимание также письменные указания прокурора, данные им при возвращении материалов уголовного дела следственный орган для производства дополнительного следствия, подтверждающие или опровергающие наличие достаточных сведений, свидетельствующих о правовых и фактических основаниях для прекращения дела.

Кроме того, суду надлежит выяснить, являлись ли предметом изучения в ходе предварительного расследования приведенные в жалобе потерпевшего обстоятельства. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для

прекращения уголовного дела (пункт 15 постановления от 10 февраля 2009 года № 1).

3.4. По результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации суд выносит постановление либо о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (часть пятая). При этом, признавая решение следователя о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным и обязывая устранить допущенное нарушение, суд не наделен полномочиями самому отменять такое решение, а также принимать взамен него решения, обязывающие возбуждать или возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, поскольку в этом случае он в той или иной мере фактически принимал бы участие в осуществлении предварительного расследования, а значит, и в деятельности по уголовному преследованию, что несовместимо с ролью суда (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации и статья 15 УПК Российской Федерации).

Не правомочен суд делать выводы и о доказанности или недоказанности вины в совершении преступления, о допустимости или недопустимости доказательств, поскольку это выходит за рамки судебной контрольной деятельности на данной стадии судопроизводства. Такой подход к проверке актов органов дознания и предварительного следствия обусловлен, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 ноября 2013 года № 24-П, тем, что законность и обоснованность действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования в целом проверяются, по общему правилу, в судебном порядке после поступления материалов уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) в суд, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, которые способны затруднить доступ к правосудию, исключая саму возможность рассмотрения дела по существу.

4. Таким образом, статья 125 УПК Российской Федерации, являющаяся одной из гарантий обеспечения конституционного права граждан на доступ к правосудию, предполагает в случае, когда прекращением уголовного дела на досудебной стадии судопроизводства это право ставится под угрозу нарушения, проверку судом по жалобе потерпевшего на постановление следователя о прекращении уголовного дела с точки зрения законности и фактической обоснованности данного постановления изложенными в нем обстоятельствами, с учетом всех значимых для решения этого вопроса факторов, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для прекращения уголовного дела, включая обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе потерпевший, материалы прокурорского реагирования, обусловившие изменение уголовно-правовой квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния, если это послужило непосредственной предпосылкой для прекращения уголовного дела ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также доводы, приводимые в обоснование своей позиции лицами, участвующими в судебном рассмотрении жалобы, с тем чтобы этот вопрос не разрешался исходя из одних лишь формальных условий прекращения дела, а суд, руководствуясь критериями эффективности и справедливости правосудия, основывался на самостоятельной оценке существенных в таких ситуациях обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников процесса.

Иное делало бы вовсе невозможной надлежащую оценку судом законности и обоснованности постановления о прекращении уголовного дела, означая, по сути, лишение гражданина судебной защиты от возможных нарушений, допущенных на досудебной стадии судопроизводства, либо ставило бы решение суда по этому вопросу в зависимость от позиции стороны обвинения, свидетельствуя о неопровержимой презумпции законности, обоснованности и мотивированности принятого ею процессуального решения, об окончательности и неоспоримости ее выводов относительно квалификации деяния, обусловившей выбор основания для прекращения уголовного дела. Это

противоречило бы конституционно значимым целям уголовного судопроизводства, роли суда как независимого органа правосудия, призванного объективно и беспристрастно рассматривать жалобы участников процесса, включая потерпевших, и не отвечало бы предписаниям статей 46 (части 1 и 2), 52 и 120 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, принимая во внимание ранее сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации правовые позиции, нет оснований для вывода о том, что оспариваемые А.Н.Мариной законоположения, применяемые в системе действующего правового регулирования, содержат неопределенность, позволяющую произвольно отказывать в принятии к рассмотрению жалоб участников судопроизводства, а потому эти нормы сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявительницы в обозначенном ею аспекте. Установление же фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии оснований для признания неправомерным постановления о прекращении конкретного уголовного дела, равно как и проверка законности и обоснованности состоявшихся в связи с этим судебных решений к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданки Мариной Анны Николаевны не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявительницей вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 5-О

В.Д.Зорькин